

Мораль, метафизика и реальность*

С. М. ЛЕВИН

В статье утверждается, что все метаэтические учения можно разделить на два класса: метафизический моральный эксклюзивизм, идея о потусторонней природе морали, – и метафизический моральный инклюзивизм, или идея о том, что мораль – составной элемент единой реальности. Оригинальность предложенного разделения обосновывается путем исторического обзора и сравнения с известными этическими понятиями. Анализируется, как соотносятся метафизические представления о морали с методологией эмпирических исследований морального сознания. Показывается, каким образом вопрос о месте морали в структуре реальности диктует теоретические ограничения для принципа Юма.

The paper claims all metaphysical views could be divided in two classes: metaphysical moral exclusivism that is the idea of the otherworldly nature of morality, and metaphysical moral inclusivism that is the idea that morality is an intrinsic component of the reality. The originality of the proposed separation is justified by historical review and the comparison with known ethical concepts. We also consider how the metaphysical notions of morality should correlate with the methodology of the empirical study of moral consciousness. We show that asking the question about the place of morality in the structure of reality imposes some theoretical constraints upon the Is-Ought Problem.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафизика, метаэтика, моральная философия, этика, реальность, принцип Юма.

KEY WORDS: metaphysics, metaethics, moral philosophy, ethics, the Is-Ought Problem.

Мораль – сложный многоаспектный феномен, специфика изучения которого заключается в том, что сами изучающие в той или иной степени испытывают на себе его влияние. Мораль можно изучать на разных уровнях как метафизический, биологический, психологический, социальный, лингвистический и даже логический феномен, но она не исчерпывается ни одним из них по отдельности. Хилари Патнэм уподобил сферу этического неровному столу, стоящему на ножках различной длины [Патнэм 2004, 28]. В данной статье мы сосредоточимся на таком метафизическом аспекте морали как вопрос о ее месте в структуре реальности. Для этого мы начнем с рассуждения об уместности метафизического анализа морали и о том, к какому разделу философии мы могли бы отнести его. Затем перейдем к разбору двух альтернативных ответов на поставленный вопрос. Такими отве-

---

* Работа выполнена в рамках НИР СПбГУ. Тема № 23.38.177.2011.

© Левин С.М., 2013 г.

тами являются метафизический моральный эксклюзивизм, как представление о потусторонней природе морали, и метафизический моральный инклюзивизм, как представление о том, что мораль – это составной элемент единой реальности. Далее мы расскажем о том, чем предложенное деление отличается от некоторых других вопросов метаэтики. И, наконец, покажем на примере принципа Юма, как метафизический моральный инклюзивизм сужает горизонт исследовательских подходов к этическим проблемам.

Анализ метафизической составляющей какого-либо явления подразумевает, что относительно объекта анализа у нас есть интуиции, заключающиеся в претензии объекта нашего внимания на нечто метафизически незаурядное и несводимое к другим родам сущего. Такая метафизическая претензия может касаться особой каузальной природы явления, его онтологического статуса или любого другого аспекта, который принято относить к метафизическим, лишь бы он был категориально уловим. Зачастую результатом метафизического анализа становится не утверждение метафизической уникальности, а, наоборот, снятие этой кажущейся уникальности или объяснение того, что сам вопрос был поставлен неверно. Однако такой негативный результат не делает сам анализ менее метафизическим. Наши интуиции позволяют говорить о феномене в метафизическом ключе независимо от того, какое подтверждение они получают в дальнейшем¹, и даже в том случае если окажется, что рассматриваемый феномен может быть непротиворечиво объяснен в естественно-научных терминах. Например, при анализе свободы воли мы можем прийти как к либертарианским, так и к детерминистским или компатибилистским выводам [Секацкая 2012]. Хотя последние две позиции отрицают исключительную метафизическую претензию свободы воли, полностью элиминируя данное понятие (детерминизм) или встраивая его в порядок естественной причинности через реинтерпретацию (компатибилизм), вопрос о свободе воли продолжает присутствовать в современных тематических сборниках [Ворфилд 2007, 283–296; Нурдхоф 2003, 98–119] и учебниках [Инварген 2009, 253–273] по метафизике.

Не лишен интуиции метафизического рода и феномен морали. Содержание этих интуиций мы рассмотрим ниже, пока нам достаточно констатировать очевидность их наличия. Тем самым феномен морали легитимируется как предмет метафизики. В современной аналитической философии под метафизикой понимают преимущественно онтологию [Макеева 2011], однако не все согласны с полным смешением метафизики и онтологии, несмотря на их тематическую близость. В широком смысле метафизика – это наука обо всем что есть, а термин онтология применяется для обозначения “официального” философского учета существующих вещей, таким образом, метафизики могут быть несогласны относительно своих онтологий (будь то события, свойства или материальные объекты) [Лукс 2006, 11–16]. Метафизика – это направление исследования; а онтология – результат такого исследования, но иногда онтологией называют и саму метафизику. Вопрос о существовании морали – это метафизический вопрос, но результатом его должна стать онтология морали. Добавим, что анализ морали с позиций метафизики является также и эпистемологическим предприятием (то, каким способом мы познаем некоторый феномен, может раскрыть сущность этого феномена), хотя мы и согласны с правомочностью постановки отдельных проблем только в рамках онтологии или только в рамках эпистемологии.

Несмотря на сказанное, было бы не совсем корректно называть метафизическое исследование морали метафизическим, потому что традиционно моральная проблематика выделяется в отдельные философские разделы². Для изучения наиболее фундаментальных свойств морали (а метафизика, если за ней вообще признавалось право на существование, всегда считалась предельно фундаментальной дисциплиной) в философии отведен специальный раздел, метаэтика, которую некоторые авторы считают подразделом этики, а некоторые – самостоятельным разделом философии.

Как особая сфера этических исследований метаэтика получает развитие в начале XX в. в западной аналитической философии. Ее отличие от этики заключается в том, что метаэтика размышляет над нашими способами определения критериев “добра” и “зла”, в отличие от установления критериев “добра” и “зла”, чем занимается этика. Хотя в западной литературе начало метаэтики принято связывать с именем Мура и выходом его кни-

ги “Principia Ethica” [Мур 1984]³, мы можем легко найти более ранние примеры метаэтических рассуждений. Например, в платоновском диалоге “Евтифрон” Сократ обсуждает вопрос о том, что первичней, боги или этические нормы: “Выбирают ли боги добро, потому что оно благое, либо же добро – благое, потому что выбрано богами?”. К метаэтике мы можем отнести “Трактат о человеческой природе” Дэвида Юма [Рэдклифф 2006], в третьей книге которого Юм настаивает на чувственной природе наших моральных суждений в противоположность их разумности. “Если нравственность оказывает влияние на наши действия и аффекты, то отсюда следует, что она не может иметь своим источником разум; это потому, что один лишь разум, как мы уже доказали, никогда не может иметь такого влияния. Нравственность возбуждает аффекты и производит или предотвращает поступки. Разум сам по себе в этом отношении совершенно бессилён. Следовательно, правила морали не являются заключениями нашего разума” [Юм 1996, 499].

Если в прошлом метаэтические рассуждения выступали скорее лишь частью больших этических и философских систем, то в XX в. метаэтика оформилась как самостоятельный и последовательный исследовательский проект. В начале своего становления метаэтика была сосредоточена на логико-лингвистических аспектах этических учений, но со временем поле метаэтических исследований значительно расширилось, оно стало включать в себя отвергаемую ранними аналитиками метафизику. «Со временем метаэтика, вслед за изменением соответствующей мировоззренческой установки в аналитической философии, отказалась от былой резко “антиметафизической” направленности и нередко вводит понятийный анализ непосредственно в метафизический контекст» [Максимов 1998, 39]. Метаэтика в целом следует за трансформациями философско-аналитической мысли, поэтому постепенно она стала обращаться не только к метафизике, но и к разнообразным эмпирическим исследованиям таких дисциплин как этология, нейрофизиология⁴ и др. На сегодня метаэтика существует на стыке прикладных и теоретических исследований, она представляет собой большой теоретический комплекс, призванный осветить фундаментальные аспекты морали, используя как собственный понятийно-терминологический аппарат, так и заимствуя его у широкого спектра дисциплин от умозрительных до естественно-научных.

* * *

В чем, по нашему мнению, заключается метафизическая проблематика для феномена морали? В истории философии для морали многие пытались выделить особый регион в структуре бытия, регион с отличными от остального мира законами. Мораль исключалась из наличного мира, поскольку эмпирические закономерности и объяснительные модели *prima facie* плохо согласуются с нашими моральными переживаниями и интуициями и той ни с чем не сопоставимой важностью, которой мы склонны наделять наши моральные суждения. “Нравственность – такой предмет, который интересует нас больше всех остальных. Мы воображаем, что каждое наше решение по этому вопросу оказывает влияние на судьбы общества, и очевидно, что этот интерес должен придавать нашим умозрениям большую реальность и значительность, чем это бывает, когда предмет в высшей степени безразличен для нас” [Юм 1996, 497]. Наши мыслительные способности, используемые для понимания моральных суждений, кажутся слишком утонченными для “всего лишь” эмпирического объяснения научно обоснованной когнитивной теории [Кейсбир 2003, 2]. Иными словами, мораль кажется онтологически и эпистемологически отделенной от мира. И даже если признается, что сам моральный агент или его поступки – это часть действительности, то за границами последней оказываются источник этических резонансов для действия и/или ментальная сторона агента – моральное сознание, восприимчивое к таким резонам.

Американский философ Скэнлон перечисляет, в чем заключается специфика моральных суждений по мнению тех, кто склонен наделять ее особым статусом; они считают, что моральные суждения не могут описывать состояние дел в наблюдаемом мире. Открытие моральных истин в наших моральных суждениях возможно благодаря тому, что мы откли-

каемся на каузальную силу особых моральных качеств мира. Истинные моральные суждения “несовместимы с научным взглядом на мир” просто потому, что “они не утверждают ничего о вещах, существующих во времени и пространстве, а также о причинных отношениях между ними” [Скэнлон 2003, 9]. Позиции, которые предполагают онтологическую и/или теоретико-познавательную эксклюзивность морали, мы будем называть метафизическим моральным эксклюзивизмом. Исходя из названия моральный эксклюзивизм мог бы трактоваться как одна из разновидностей морального абсолютизма – утверждения универсальной истинности одной из этических позиций и резкого осуждения других. Прилагательное “метафизический” как раз необходимо в названии, чтобы подчеркнуть, что речь не идет о превосходстве какой-либо моральной системы или этического учения над другими. Эксклюзивизм не отдает предпочтения ни одной из этических теорий, будь то утилитаризм, этика добродетелей, деонтическая этика или любая другая, так как относится, как мы отметили выше, к метаэтике и метафизике, т.е. к иному разделу философии. Речь идет об онтологическом и теоретико-познавательном статусе любой моральной системы или этического учения, независимо от их содержания.

Всегда ли моральный эксклюзивизм идет рука об руку с определенным набором метафизических представлений? Нет. Совершенно не важно, как именно обосновывается эксклюзивность морали – трансцендентально [Бенсивенга 2007], трансцендентно [Вэнврит 1976] или как угодно еще, способов обоснования может быть довольно много. Метафизически моральный эксклюзивизм нейтрален, он может включать в себя любые представления о природе реальности, пока мы выносим мораль за скобки этой реальности или же выделяем внутри нередуцируемый, несводимый ни к чему и никак ни с чем причинно-следственно не связанный уголок для морали.

Предлагаемый термин не встречался нам, но ретроспективно мы легко можем найти в истории философии тех, кто разделял такую позицию. Метафизический моральный эксклюзивизм – наиболее распространенная позиция при ответе на вопрос о положении морали в структуре мира и знания, хотя те, кто придерживаются его, не всегда ясно артикулируют это. Не претендуя на полноту охвата, мы продемонстрируем, что значит метафизический моральный эксклюзивизм, назвав нескольких философов из числа тех, кого можно было бы отнести к его сторонникам.

Из философов античности к метафизическим моральным эксклюзивистам относился Платон, деливший бытие на два рода: “Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле” [Платон 1994, 432]⁵. Благо (моральные ценности) Платон считал принадлежащим к вечному региону сущего (миру идей), при этом мораль была у него познаваема через универсальные познавательные механизмы, относящиеся к миру идей (припоминание, рациональное усмотрение).

Еще одним знаменитым сторонником метафизического морального эксклюзивизма можно считать Иммануила Канта, рассматривавшего сферу морального как особую автономную область, несводимую к чему-либо другому, – как в плане существования, так и в плане познания. Кант писал: “Крайне необходимо разработать, наконец, чистую моральную философию, которая была бы полностью очищена от всего эмпирического и принадлежащего к антропологии” [Кант 1994⁶, 156]. Кант различал законы природы и законы свободы [Кант 1994^a, 586] и утверждал, что первыми занимается наука физика, а последними наука этика. Наука этика, согласно Канту, относится к такой области, где не действуют физические законы. При этом самого морального агента Кант располагал как в мире, так и вне его [Скратон 2006, 75], т.е. любой человек, вовлеченный в моральную практику в каждом своем моральном поступке, оказывается “потусторонен” физическому миру. В XX веке, по утверждению российского исследователя Максимова, таким философом был Витгенштейн, который “фактически продемонстрировал свою приверженность ста-

ринной метафизической онтологии ценностей, приписав последним трансцендентное бытие” [Максимов 2003, 27].

Перечисленные философские позиции, которые мы отнесли к метафизическому моральному эксклюзивизму, неоднородны, их отличия многочисленны, и их сложно как-то упорядочить. Однако в них все же можно найти некоторый вектор движения – точку от которой и точку к которой двигался моральный эксклюзивизм. Для этого обратимся к исторической схеме революционного переворота в западной метафизике, предложенной Кристиной Корсгаард. Согласно ей, метафизические представления о соотношении мира и идеальных форм/идей/норм/ценностей не были постоянны. В метафизике Платона и Аристотеля все вещи в актуальном мире “бытийствуют”, пытаются реализовать свою сущность, стремясь приблизиться к своей идеальной форме, но это стремление никогда не бывает вполне успешным; к XIX же веку представления о мире и идеальных формах постепенно поменялись ролями, все стало с ног на голову. Уже не формы стремятся соответствовать нормам, а формы ищут свои пути реализации в мире, “формы должны быть навязаны материальному миру” [Корсгаард 1996, 9]. На заре философии считалось, что действительность бесконечно двигалась в направлении форм, а теперь она наоборот сопротивляется их насаждению. В этическом плане это означает, что раньше полагали, что человек естественным образом нацелен на благо и этой константной устремленности мешают только случайные обстоятельства, но затем человек стал рассматриваться как материал, который должен быть подогнан под соответствие идеальным моральным требованиям. Если мы соглашаемся с такой исторической схемой, то получается, что метафизический моральный эксклюзивизм в западной философии вначале относился к цели бытия, но теперь он описывает то, что привносится в мир “извне”.

Весьма распространен моральный эксклюзивизм также и в обыденном сознании. Такого мнения придерживается Маки, известный сторонник “теории ошибки” в этике, который считает, что обыденные размышления о морали основываются на идее особенных ненатуральных свойств [Маки 1980, 31–32]. Распространенность в философской среде морального эксклюзивизма нам представляется скорее следствием, чем причиной “народной любви”. В повседневной жизни морали всегда отводится особая роль, исключительная практическая важность которой толкает к имплицитному принятию ее особого онтологического статуса. Почти любой человек согласится с тем, что этические мотивы должны перевешивать все остальные для всякого действия. За моральными мотивами закреплена руководящий статус, который подразумевает их онтологическое преимущество перед другими родами сущего.

Метафизическому моральному эксклюзивизму может быть противопоставлен метафизический моральный инклюзивизм, представление о включенности морали в реальность. Моральный инклюзивизм в его когнитивистской трактовке означает, что моральные нормы, ценности, поступки, мотивы и их источники существуют в наличном мире и могут быть познаваемы наравне с другими частями реальности (при этом не обязательно должна отрицаться методологическая специфика такого познания). Сегодня метафизический моральный инклюзивизм постепенно становится все более популярным, хотя это и не происходит в результате открытого противостояния. Как и в случае с эксклюзивизмом, сторонники морального инклюзивизма далеко не всегда артикулируют свою позицию, и к их лагерю можно отнести мыслителей с весьма разными философскими воззрениями не только по другим вопросам, но и по проблеме описания того, как именно моральные ценности существуют в действительности. Так происходит потому, что деление на эксклюзивистов и инклюзивистов – это предельно широкое обобщение, неизбежно подразумевающее вариативность подгрупп. Так, к инклюзивистам могут относиться те, кто считает, что: мораль существует исключительно в сознании людей; моральные ориентиры заданы нашими генами и функционируют по большей части неосознанно; моральное поведение – это следствие эквилибриума межличностных отношений в обществе и др. При этом необязательно сводить мораль только к одному из перечисленных факторов. Моральный инклюзивизм не отрицает комплексности феномена морали и не запрещает ее многоаспектный анализ, результатом которого может стать не открытие рядоположенности мора-

ли другим объектам, а определение ее как сложного конгломерата диспозиционных или эмерджентных свойств.

И здесь, не претендуя на полноту охвата, для иллюстрации того, что может стоять за понятием “метафизический моральный инклюзивизм”, мы перечислим нескольких известных философов, которых можно было бы отнести к его сторонникам. Выборка носит почти случайный характер. Одним из тех философов, которых можно причислить к метафизическим моральным инклюзивистам, безусловно был Томас Гоббс со своей теорией установления правил людьми для прекращения войны всех против всех. Об идеях Гоббса, имеющих в отечественной философии репутацию довольно тривиальных, чаще всего говорят в контексте государства и права, а его моральная философия выпадает из поля зрения, хотя Гоббсу принадлежат первые попытки совмещения детерминизма и этики, а также теоретического осмысления генезиса моральных норм внутри человеческого общества. А его политическая и социальная теории были построены на базе идеи о том, что не существует объективных моральных качеств или отношений в строго материалистической вселенной [Маки 1980, 7].

Следующей заметной фигурой среди моральных инклюзивистов можно назвать Адама Смита. Как и Томас Гоббс, Смит знаменит в иной области, нежели моральная философия, но его книга “Теория нравственных чувств” [Смит 1997], которая вышла в печать почти за 20 лет до знаменитого трактата о богатстве народов и во многом стала его теоретической предпосылкой, он изначально хотел представить учение об обществе в виде иерархической триады: мораль, право и экономика. В “Теории нравственных чувств” Смит не только предлагает свое видение того, как формируются моральные нормы, но и подкрепляет его систематическим историческим описанием нравов различных народов. Для Адама Смита универсальность этических норм – это вопрос эмпирического обобщения, а не метафизики, он отыскивал различные виды моральных практик, появляющихся в ответ на изменения в экономических, политических и социальных обстоятельствах [Хааконссен 2002, VII–VIII]. Иными словами, этическая нормативность для Адама Смита – продукт действительной истории, в которой образуются социальные факторы, ограничивающие поведение людей⁶.

Вообще говоря, к сторонникам метафизического морального инклюзивизма можно отнести и тех авторов, которые специально не занимались моральными вопросами, но метафизические послылки которых необходимо приводят к этой позиции. Например, Дж. Сёрл выстроил социальную онтологию исходя из послылки о единстве реальности для социальных и физических фактов [Левин С. 2011]. Сёрл пишет, что мы должны представить онтологическую картину, которая бы одновременно включала в себя такие явления, как планеты, атомы, деньги, дружбу и коктейльные вечеринки. К этому ряду можно было бы добавить и мораль. Ведь Сёрл пишет о том, что существует только одна реальность, и она включает в себя всё разнообразие всего сущего, а мораль, безусловно, в некотором смысле существует.

Мы видим, что в истории философии можно найти сторонников как морального инклюзивизма, так и эксклюзивизма. Но сама по себе эта историческая констатация не говорит ни о полезности и оправданности этого разделения, ни о его оригинальности. Возможно, предложенная нами методологическая типология метаэтических взглядов никак не проясняет и без того обширную этическую терминологию, а только еще больше все запутывает, вводя новые понятия, которые ни с чем, кроме самих себя, не соотносятся. Или, возможно, это всего лишь обозначение новыми словами уже имевшихся ранее метафизических понятий или устоявшихся метаэтических делений.

Повторяет ли метафизический моральный инклюзивизм/эксклюзивизм уже имеющиеся понятия, пусть даже в неявном виде? Для ответа на этот вопрос можно прибегнуть к негативному определению, показав, чем не является предложенное разделение и как оно соотносится с вопросами об истинном значении моральных суждений, их объективности или месте морали в общей иерархии ценностей. Конечно, при таком беглом сравнении мы будем излагать другие позиции весьма сжато, поэтому нам могут указать на то,

что они на самом деле предполагают нечто другое, однако, на наш взгляд, сколь угодно подробное раскрытие иных позиций не изменило бы сути отстаиваемого тезиса.

Наиболее базовое разделение в метаэтике проходит по линии когнитивизма и некогнитивизма. Согласно когнитивизму моральные суждения могут быть истинными или ложными, а некогнитивизм, в свою очередь полагает обратное – что моральные суждения не могут обладать истинностными значениями и вообще они не есть суждения в строгом смысле. Ни моральный эксклюзивизм, ни моральный инклюзивизм не могут быть сведены к когнитивизму или некогнитивизму. Мы можем представить, что моральные суждения, обладающие истинностным значением, описывают как факты мира, так и трансцендентные сущности, поэтому центральный тезис когнитивизма может быть сохранен независимо от того, какую позицию мы занимаем относительно места морали в мире. Некогнитивизм также совместим как с инклюзивизмом, так и с эксклюзивизмом. Хотя эмотивизм, пожалуй, самая известная некогнитивистская позиция, *prima facie* плохо согласуется с метафизическим моральным эксклюзивизмом, так как сводит моральные суждения к выражению чувств. Таким образом, кажется, что мораль закреплена в сфере психологии и соответственно внутри мира. Но если задаться вопросом об источнике наших эмоций, то ответ может иметь как натуралистический, так и сверхъестественный характер. Сторонники эмотивизма не были сторонниками эксклюзивизма, и такая трактовка противоречила бы духу и букве Айера и Стивенсона, но у нас нет решающих аргументов, которые бы запрещали сочетание эмотивизма с эксклюзивизмом в принципе.

Для когнитивистов всегда был важен вопрос о том, что определяет истинность или ложность морального суждения. Объективисты (моральные реалисты) считают, что истинность моральных суждений не зависит от субъекта, а субъективисты, наоборот, что зависят. Обе альтернативы легко кооперируются с метафизическим моральным эксклюзивизмом и инклюзивизмом. Зависимость или независимость от наблюдателя истинности моральных суждений не означает пососторонности или потусторонности фактов, определяющих эту истинность. Например, если моральными субъектами выступают люди или культурные общности, то тогда можно говорить о метафизическом моральном инклюзивизме, а если моральный субъект – некое персонифицированное божество, то это согласуется с эксклюзивизмом, ведь персонифицированный бог – тоже субъект, поэтому ценности получают субъективными.

Моральные ценности – не единственные ценности, которые могут быть, и действия, диктуемые ими, могут вступать в противоречие с действиями, диктуемыми другими ценностями. Метафизические отношения морали и реальности иногда используются для обоснования главенствующей роли этической нормативности. Традиционно мораль представляли либо как высшую, абсолютную ценность, которой другие ценности подчинены, либо как нечто стоящее на службе более высоких неморальных ценностей (воли к власти, классовых интересов, благодати, эстетических идеалов и др.), с позиций которых мораль либо оправдывалась, либо подвергалась критике [Максимов 2009]. Может показаться, что метафизический моральный эксклюзивизм означает возвышение и превосходство моральных ценностей. До некоторой степени это так, однако при “вынесении за скобки” мира неморальных ценностей мораль оказывается не единственной трансцендентной сущностью, и тогда приходится спекулятивно выстраивать иерархию сверхъестественного. При этом возникает неразрешимая рационально или эмпирически уже упоминавшаяся “проблема Евтифона” или аналогичная ей. Становится непонятно, что же важнее? Абсолютная красота или абсолютное добро, благо или справедливость?

Моральный инклюзивизм также может согласовываться как с доминирующей, так и с подчиненной ролью этической нормативности. Для ответа на вопрос о том, что на самом деле для нас “главней”, инклюзивист, в отличие от эксклюзивиста, может обратиться к наблюдению за поведением людей при конфликте их моральных и неморальных ценностей. И независимо от того, что оно покажет, позиция инклюзивизма относительно принадлежности морали к реальности останется неизменной.

Мы видим, что ни инклюзивизм, ни эксклюзивизм не тождественны перечисленным метаэтическим позициям. Есть множество философов, которые вполне ясно артикулиро-

вали свою точку зрения по этому вопросу. Как уже говорилось, вынесение за скобки мира морали не претендует на содержательную новизну. Однако типология ответов на вопрос о соотношении реальности и морали никогда не была в фокусе внимания исследователей и тех, кто предлагал тот или иной ответ на этот вопрос. Поэтому непосредственные следствия из инклюзивизма и эксклюзивизма остаются до сих пор должным образом неотрефлексированными. И если до этого мы в основном говорили о том, что инклюзивизм или эксклюзивизм не влекут за собой, то в последней части статьи мы наметим некоторые теоретические ходы, которые следуют из принятия метафизического инклюзивизма и эксклюзивизма.

Автор статьи, как это уже могло стать понятно читателям, относит себя к метафизическим моральным инклюзивистам. Изначальная посылка о том, что мораль – это часть реальности, диктует границы того, как мы можем рассуждать о моральных фактах, моральном сознании, натуралистической ошибке, моральном релятивизме, абсолютизме, плюрализме и пр. Возьмем одну проблему и посмотрим, как моральный инклюзивизм сужает возможные пути ее решения. Пусть это будет проблема, получившая в отечественной философии название принципа или гильотины Юма. Мы несколько не претендуем на предложение нового, оригинального решения, этот пример служит лишь для демонстрации в “живой теоретической практике” тех ограничений, которые накладывает на нас инклюзивизм. Понятно, что в этих рассуждениях мы использовали и другие метаэтические предпосылки, легко прочитываемые специалистами, однако мы не будем их артикулировать, чтобы не перегружать аргументацию и не отвлекаться от поставленной задачи.

Обычно принцип Юма (is-ought problem) звучит так: ошибочно выводить то, что “должно”, из того, что “есть”; выводить императивы из описаний – логическая ошибка. Попробуем обозначить один из возможных подходов к данной проблеме в рамках метафизического морального инклюзивизма. Начнем с того, что моральные предписания следуют понимать расширенно, не только лингвистически, но и онтологически. Моральные предписания представляют для людей практический интерес, поскольку они реализуются индивидами, т.е. когда за ними стоят намерения по изменению мира в соответствии с этими предписаниями. К тому же для некоторых моральных агентов их моральные императивы никогда не принимали лингвистическую форму, они могли быть запрограммированы в геноме или невербально почерпнуты из практики. Вряд ли моральное предписание, не имеющее отношения к ситуации, в которой находится моральный агент и никем не принимаемое всерьез, может заметно и регулярно влиять на ход событий. Поэтому мы рассматриваем только такие предписания, интенциональное содержание которых потенциально может стать или уже стало действительными намерениями.

Проблема предстанет в другом свете, если мы будем говорить о моральных императивах не как о чем-то отдельном и самостоятельном, а как о чем-то входящем в мир, когда под миром понимается совокупность всего, что есть. Моральному долженствованию и источникам этого долженствования оказывается просто “некуда больше деться”, они часть реальности. И если есть некая совокупность возможных дескрипций мира, то все, что существует, включая моральные императивы, описывается множеством этих возможных дескрипций. Следовательно, моральные императивы могут быть описаны наравне с другими частями мира, что позволяет переформулировать изначальный вопрос «Как нам вывести то, что “должно”, из того, что “есть”?» в вопрос «Как нам вывести то, что “есть”, из того, что “должно”?». Мы точно сможем ответить, что “есть”, описывая то, что “должно”, так как за каждым актуальным императивом долженствования стоит, как минимум, один человек, его разделяющий и вовлеченный в сеть социальных отношений. Последнее описывается социальными науками, а первое – то, что этот индивид придерживается того или иного императива, описывается как его психологическая установка и сопряжено с определенным состоянием его мозга, которое описывается нейрофизиологией. Причем внешнее социальное долженствование и его внутреннее принятие индивидом могут сосуществовать независимо друг от друга. Иными словами, кто-то может считать, что он должен сделать действие X даже тогда, когда от него этого никто не ожидает, и наоборот. Действие Y может предписываться индивиду, но он не будет к нему стремиться и исполнять его.

Получение таких описаний или доказательство их возможности не подменяют собой реальные процессы актуализации морального должностования в сознании отдельных индивидов. Из описания некоторого процесса не следует сам этот процесс, описание поднятия тяжестей не тождественно и напрямую не переводится в поднятие какой-либо тяжести. Поэтому принцип Юма сохраняется, однако он теряет свой мистический ореол, заключавшийся в исключении моральных ценностей из фактов мира. Простая грамматическая процедура не может превратить описания фактов естественных наук в практические инструкции, над этой задачей трудятся сотрудники прикладных институтов, превращая в прескрипции дескрипции, созданные сотрудниками академических институтов [Левин Г. 2011]. Точно так же и описание существующих моральных императивов без специальной аналитической и исследовательской работы не воспроизводит моральных императивов в людях и не дает прямых указаний на то, как достичь такого воспроизводства.

В заключение скажем, что преимущественно имплицитный характер решения вопроса о соотношении морали и реальности отчасти повинен в некоторой теоретической запутанности моральной философии. Благодаря своей недоговоренности метафизический моральный эксклюзивизм имеет приверженцев даже среди тех, кто вроде бы придерживается материалистических и натуралистических философских воззрений. Например, Дерек Парфит рассматривает моральные истины как относящиеся к категории нормативных суждений и тем самым формирующие отдельный вид, знание о котором отличается как от знаний об окружающем мире и который не может быть отнесен к описывающим этот мир истинам [Парфит 2006, 338]. Но цель предлагаемой двухчастной типологии метаэтических взглядов заключается не в том, чтобы “открыть глаза” философам (тот же Парфит прекрасно представляет, в чем вопрос), и не в том, чтобы “дать философскую санкцию” ученым на изучение морали (и без того существует множество исследователей, которые анализируют мораль как естественный факт). Скорее идея в том, чтобы взгляды на проблемы метаэтики и этики в контексте глобальной включенности или невключенности морали в наличный мир стал еще одной легитимной и устойчивой перспективой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенсивенга 2007 – *Bencivenga E.* Ethics Vindicated. Kant’s Transcendental Legitimation of Moral Discourse. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Ворфилд 2007 – *Warfield T.A.* Metaphysical Compatibilism’s Appropriation of Frankfurt // Oxford Studies in Metaphysics / Ed. by D.W. Zimmerman. N. Y.: Oxford University Press, 2007.
- Вэнврит 1976 – *Wainwright W.J.* Morality and Mysticism // The Journal of Religious Ethics. 1976. Vol. 4. № 1.
- Жерранс, Кеннет 2010 – *Gerrans P., Kennett J.* Neurosentimentalism and Moral Agency // Mind. 2010. Vol. 119. № 475.
- Инварген 2009 – *Inwargen P.V.* Metaphysics. 3rd edition. Boulder: Westview Press, 2009.
- Кант 1994^a – *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994.
- Кант 1994^b – *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994.
- Кейсбир 2003 – *Casebeer W.* Natural Ethical Facts. Cambridge, Mass.; L.: The MIT Press, 2003.
- Корсгаард 1996 – *Korsgaard K.M.* Excellence and obligation: A very concise history of western metaphysics 387 BC to 1887 AD // Id. The Sources of Normativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Левин Г. 2011 – *Левин Г.Д.* Дескриптивное и прескриптивное знание как предмет эпистемологии // Знание как предмет эпистемологии. М., 2011.
- Левин С. 2011 – *Левин С.М.* Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Сёрла // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 3.
- Лукс 2006 – *Loux M.J.* Metaphysics. A contemporary introduction. 3rd ed. L.: Routledge, 2006.
- Макеева 2011 – *Макеева Л.Б.* О некоторых особенностях метафизики в современной аналитической философии // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 11.
- Маки 1980 – *Mackie J.L.* Hume’s Moral Theory. L.: Routledge & Kegan Paul, 1980.
- Макинтайр 1971 – *Macintyre A.* Against the Self-images of the Age. N.Y.: Schocken Books, 1971.
- Максимов 1998 – *Максимов Л.В.* Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10.

- Максимов 2003 – *Максимов Л.В.* Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003.
- Максимов 2009 – *Максимов Л.В.* Высшие ценности и мораль // *Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика РАН А.А. Гусейнова* / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009.
- Мур 1984 – *Мур Дж.* Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.
- Нурдхоф 2003 – *Noordhof P.* Epiphenomenalism and causal asymmetry // *Real Metaphysics* / Ed. by H. Lillehammer, G. Rodriguez-Pereyra. L.: Routledge, 2003.
- Парфит 2006 – *Parfit D.* Normativity // *Oxford Studies in Metaethics* / Ed. by R. Shafer-Landau. Oxford: Clarendon Press, 2006.
- Патнэм 2004 – *Putnam H.* Ethics Without Ontology. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Платон 1994 – *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
- Рэдклифф 2006 – *Radcliffe E.S.* Moral Internalism and Moral Cognitivism in Hume’s Metaethics // *Synthese*. 2006. Vol. 152. № 3.
- Секацкая 2012 – *Секацкая М.А.* Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы // *Вопросы философии*. 2012. № 2.
- Скратон 2006 – *Скратон Р.* Кант. М.: АСТ, Астрель, 2006.
- Скэнлон 2003 – *Scanlon T.M.* Metaphysics and Morals // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 2003. Vol. 77. № 2.
- Смит 1997 – *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
- Хааконссен 2002 – *Haakonssen K.* Introduction to *The Theory of Moral Sentiments* // *Smith A. The Theory of Moral Sentiments*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Юм 1996 – *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.

Примечания

¹ Мы не утверждаем, что ссылка на интуицию – это решающий аргумент, однако в случаях начального определения направления анализа de facto оно почти всегда опирается на наши интуитивные представления.

² Что отчасти служит доказательством доминирования среди философов метафизического морального эксклюзивизма, речь о котором пойдет далее.

³ Интересно, что в отечественной философской среде аналитическая философия почему-то имеет репутацию оторванной от моральной проблематики, хотя первая в истории аналитическая монография в 1903 г. была посвящена именно этике.

⁴ Примером того, как метаэтическая теория строится исходя из данных нейрофизиологии, может служить [Жерранс, Кеннет 2010].

⁵ Такое понимание Платона весьма дискуссионно, но примем его для простоты аргументации.

⁶ Похожую задачу в XX веке ставил Аласдер Макинтайр в книге “Против самоимиджа века” [Макинтайр 1971].